КЪ УЧЕНІЮ

О ДЕНЬГАХЪ И КРЕДИТѢ.

—

Г. Кауфмана.

(Выпускъ первый).

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

—

1868.

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета.

Ректоръ *В. Кочетовъ.*

229184

Отдѣльные оттиски изъ приложеній къ «Протоколамъ засѣданій совѣта харьковскаго университета» 1868 года.

I.

Одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій, которое влечетъ за собой историческій взглядъ на хозяйство, заключается въ томъ, что всякая существенная перемѣна въ хозяйственномъ быту находитъ свое главное и единственное основаніе въ человѣкѣ. Причина этого понимается безъ всякихъ затрудненій: изъ всѣхъ хозяйственныхъ элементовъ сознаніе или разумъ человѣка есть единственный измѣняющійся элементъ; способность развиваться — въ природѣ этого элемента, тогда какъ всѣ остальные элементы по природѣ своей постоянны и измѣняются только потому, что приходятъ въ соприкосновеніе съ сознаніемъ. Можно поэтому выставить общимъ правиломъ, что все прогрессивное, все характеризующее высшую хозяйственность есть продуктъ той силы, которая составляетъ исключительную принадлежность человѣка и только ея одной.

Эта сила въ хозяйственной сферѣ проявляется въ соединенности труда. Поэтому увеличившаяся количественно соединенность труда — вотъ основная причина каждаго шага впередъ въ хозяйственномъ развитіи.

Важнѣйшій шагъ, который сдѣлало хозяйство, исторически развиваясь, безъ всякаго сомнѣнія, есть переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Все значеніе этого шага достаточно разъяснено политико-экономами и въ экономической наукѣ можно считать за установленное, что въ хозяйственной сферѣ цивилизація начинается собственно съ денежнаго обмѣна, до того хозяйство есть сфера жизни дикихъ людей: именно, одни только дикіе люди не знаютъ *никакихъ* денегъ. Всѣ извѣстные изъ исторіи и отъ путешественниковъ народы, вышедшіе изъ дикаго состоянія, знаютъ хоть какія-нибудь деньги.

Не смотря однако на то, что важность этого шага превосходно всѣми сознается, мы напрасно искали бы тѣхъ писателей, которые свели причину этого прогрессивнаго шага на ту основную причину, которою обусловливается все прогрессивное въ хозяйственной исторіи. Напрасно стали бы мы искать полнаго объясненія причинъ, повлекшихъ за собою этотъ переходъ; напрасно искали бы мы полнаго отвѣта на вопросъ, вслѣдствіе чего совершился этотъ переходъ? Мы конечно опускаемъ здѣсь обыкновенно повторяемыя разсужденія о неудобствахъ, возникающихъ отъ натуральнаго обмѣна на извѣстной степени развитія хозяйства. Въ этихъ разсужденіяхъ видно только, что причины неизвѣстны, что онѣ отыскиваются, что изобрѣтаются гипотезы, которыя помогли бы объяснить эти причины. Въ самомъ дѣлѣ, современный изслѣдователь, который живетъ въ періодъ разгара денежнаго хозяйства, задается вопросомъ, что было бы, еслибъ теперь вдругъ денегъ не стало? Возникли бы такія-то и такія-то неудобства, отвѣчаетъ онъ самъ себѣ; эти неудобства устраняются деньгами; слѣдовательно, эти неудобства должны были существовать прежде и для ихъ устраненія *изобрѣтены* деньги.

Что дѣйствительно такимъ образомъ объясняютъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, что деньги обыкно-

венно при этомъ являются *изобрѣтенными* для усовершенствованія обмѣна орудіемъ, — извѣстно всякому, знакомому съ литературой экономической науки. Еще очень недавно французскій писатель Манекенъ (Travail et liberté. Paris. 1863) протестовалъ противъ этого *изобрѣтенія* денегъ. Что объясненіе въ данномъ случаѣ опирается на гипотезы, а не на дѣйствительности, — само по себѣ очевидно; наконецъ, что гипотеза въ данномъ случаѣ не совсѣмъ подходящая, также не трудно замѣтить. О деньгахъ говорится, какъ о машинѣ, которой изобрѣтеніе произвело необыкновенныя послѣдствія: точно изобрѣтенныя въ прошломъ вѣкѣ для мануфактурныхъ фабрикъ. А между тѣмъ важность, которая придается переходу отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, необходимость, которая приписывается этому переходу, весьма мало гармонируютъ съ изобрѣтеніемъ, какъ бы оно само по себѣ ни было велико: изобрѣтеніе есть всегда дѣло личности и потому оно всегда болѣе или менѣе случайно. А означенный переходъ менѣе всего случаенъ; это напротивъ такой закономѣрный фактъ, которому подобныхъ экономическая исторія представляетъ весьма мало. Не личность его произвела, весь строй хозяйственный вырабатывалъ его и конечно долгимъ и труднымъ путемъ.

Что именно въ деньгахъ или денежномъ обмѣнѣ (т. е. торговлѣ) представляетъ то прогрессивное, которымъ денежный обмѣнъ отличается отъ натуральнаго? Чѣмъ обусловливается это прогрессивное? Очевидно, что на первый вопросъ отвѣтъ долженъ быть данъ внимательнымъ анализомъ денежнаго обмѣна, — анализомъ, котораго мы не находимъ въ литературѣ; отвѣтъ на второй вопросъ можетъ дать только тщательное сравнительно — историческое изслѣдованіе, котораго опять-таки до сихъ поръ никто еще не сдѣлалъ. Говорятъ обыкновенно, что прогресивное въ денежномъ обмѣнѣ заключается въ совершеніи мѣноваго акта помощью орудія, усовершенствующаго этотъ актъ. Вспомнимъ однако, что выраженіе «орудіе» здѣсь употребляется не въ пря-

момъ смыслѣ, а только въ переносномъ. Развѣ подъ орудіемъ не всѣ привыкли понимать нѣчто такое, что необходимо для *производства*; развѣ производство не рѣзко отличаютъ отъ обмѣна и развѣ не установлено въ наукѣ, что обмѣнъ «ничего новаго не производитъ» какъ говорилъ еще Сей, такъ жарко защищавшій производительность торговли? Да и кто теперь скажетъ, что обмѣнъ производитъ, когда для обмѣна и производства отводятся всегда и всякимъ особыя части въ изложеніи науки? Вѣдь теперь эти два понятія такъ рѣзко разграничены, что сказать, будто обмѣниваясь человѣкъ совершаетъ производственный актъ, или производя онъ обмѣнивается, — все равно какъ еслибъ кто сказалъ, что слышитъ чрезъ то, что смотритъ, или видитъ чрезъ то, что ходитъ. Послѣ этого на какомъ основаніи можно примѣнить къ обмѣну то, что относится къ производству? Вѣдь это возможно было бы только въ томъ случаѣ, еслибъ они имѣли общія черты. Въ чемъ же заключаются эти общія черты? Кто ихъ указалъ? Какой они имѣютъ смыслъ, если существуютъ: означаютъ ли онѣ, что мѣновой актъ есть извѣстный видъ производственнаго акта, и *потому* къ нему также примѣняется орудіе; или же и производственный и мѣновой акты оба суть виды одного рода, и *потому* оба могутъ совершаться помощью орудія? Но въ такомъ случаѣ, что показываетъ въ нихъ родовые признаки и что въ каждомъ изъ нихъ видоваго? Отсутствіе отвѣтовъ на эти вопросы очевидно доказываетъ отсутствіе анализа того, что составляетъ сущность мѣноваго акта. Помощью орудія всегда утилизируются силы человѣка или силы природы. О силахъ природы въ данномъ случаѣ говорить нечего. Спрашивается однако, какія силы утилизируетъ мѣновое орудіе, *какъ* совершается это утилизированіе, *какое начало лежитъ въ его основѣ?*

Въ суммѣ всѣ эти вопросы означаютъ: чѣмъ отличается натуральный мѣновой актъ отъ денежнаго? Это — два акта, совершаемые людьми различныхъ періодовъ хозяйства: одинъ изъ нихъ

есть принадлежность отсталаго хозяйства, другой — прогрессивнаго. Что въ первомъ собственно есть отсталаго и гдѣ прогрессивное во второмъ? Обратимся къ анализу мѣноваго акта.

Мѣновой актъ есть послѣдствіе того, что соединяется трудъ многихъ людей «на совокупное производство совокупности благъ, удовлетворяющихъ совокупнымъ потребностямъ» (*Dietzel*, Die Volkswirthschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat. 1863). Безъ соединенной дѣятельности многихъ людей обмѣнъ также немыслимъ, какъ эта соединенная дѣятельность немыслима безъ обмѣна. Это послѣднее — потому, что соединенная дѣятельность сама по себѣ еще не дѣлаетъ всего, что необходимо, чтобъ осуществилась *для каждаго отдѣльнаго человѣка* возможность удовлетворять своимъ потребностямъ. Въ результатѣ отъ соединенной дѣятельности является совокупность благъ, не распредѣленная однако еще между тѣми, которые ихъ будутъ потреблять. Каждый отдѣльный человѣкъ по окончаніи трудосоединительной дѣятельности обладаетъ только тѣми продуктами, которые онъ самъ произвелъ, между тѣмъ какъ, съ одной стороны, онъ нуждается не въ однихъ только этихъ благахъ, съ другой — если онъ и нуждается въ произведенныхъ имъ самимъ продуктахъ, то не въ такомъ количествѣ ихъ, какое онъ произвелъ. Отсюда возникаетъ для него необходимость совершить еще одинъ актъ, сверхъ того, который онъ совершилъ вслѣдствіе необходимости *производить* извѣстнаго рода блага. Этимъ послѣднимъ актомъ онъ *произвелъ* блага, до его производства не существовавшія, новымъ актомъ онъ *добудетъ* себѣ тѣ блага, которыя безъ такого добывательнаго акта онъ не можетъ имѣть. Значитъ, до совершенія этого добывательнаго акта получаемыя съ его помощью блага также не существуютъ для отдѣльнаго лица, какъ для всѣхъ не существовали до производства тѣ блага, которыя съ его помощью были получены.

Отсюда мы видимъ, что добывательный актъ и производствен-

ный имѣютъ между собою общаго то, что это два цѣлесообразныя дѣйствія человѣка, которыя онъ необходимо долженъ совершить. Результатами отъ каждаго изъ нихъ являются особыя, различныя другъ отъ друга, блага. Если благо, получаемое отъ *производственнаго* акта, заключается въ продуктахъ, полученныхъ результатами отъ него, то продуктомъ *добывательнаго* акта является благо, заключающееся въ томъ, что каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ именно *то* и именно въ томъ *количествѣ*, что въ какомъ количествѣ ему нужно. Это послѣднее благо также немыслимо безъ добывательнаго акта, какъ продуктъ производства немыслимъ безъ производственнаго акта.

Отсюда понятно, въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу производственный и мѣновой акты. Если кто расположенъ считать всякій актъ, въ которомъ проявляется человѣческая сила и результатомъ котораго является благо, за производственный, то онъ признаетъ мѣновой актъ за производственный. Потому что это — цѣлесообразное дѣйствіе человѣка, притомъ имѣющее свою спеціальную цѣль, достиженіе которой доказывается благомъ являющимся его результатомъ, и притомъ иначе не могущее быть полученнымъ, какъ путемъ мѣноваго или добывательнаго дѣйствія. Но въ такомъ случаѣ, что же характеризуетъ производственный актъ, какъ отличный отъ мѣноваго? То-ли, что производственный актъ есть родовое понятіе, а мѣновой есть извѣстный видъ производственнаго? Очевидно — нѣтъ: потому что до сихъ поръ въ производственномъ и мѣновомъ актахъ мы видѣли только одни общіе признаки, которые скорѣе склоняютъ къ мнѣнію, что мы имѣемъ предъ собой два вида, а не родъ и видъ. Гдѣ же этотъ родъ? На это можно отвѣтить, что родовымъ понятіемъ можетъ быть въ данномъ случаѣ только общее понятіе о цѣлесообразномъ дѣйствіи человѣка, въ которомъ выражается его творческая сила, употребляемая для достиженія цѣли. Разнообразіе цѣлей, къ которымъ человѣкъ стремится, обусло-

вливаетъ различія въ пріемахъ, которые онъ употребляетъ при этомъ, то есть разнообразитъ совершаемые имъ акты. Но сами по себѣ эти акты остаются тождественными, потому что природа человѣка не измѣняется отъ цѣли, къ которой онъ стремится, такъ-какъ этою природою вѣдь обусловливаются и цѣли. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго и въ томъ, что производственный актъ имѣетъ общія черты съ мѣновымъ. Посмотримъ теперь, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другаго.

Прежде всего представляется слѣдующее различіе: хотя производственный и мѣновой акты оба суть такого рода, отъ которыхъ ни одинъ человѣкъ, участвующій въ соединенной дѣятельности, не можетъ быть освобожденъ, хотя каждый человѣкъ необходимо долженъ совершить и тотъ и другой актъ, — *совершеніе кѣмъ-либо изъ участвующихъ въ соединенной дѣятельности какого-нибудь одного производственнаго акта освобождаетъ остальныхъ отъ необходимости совершить тотъ-же самый производственный актъ.* Это есть необходимое послѣдствіе спеціализаціи, обусловливающейся соединенною дѣятельностью: вся соединенная дѣятельность разбивается на части, изъ которыхъ каждая обособляется отъ остальныхъ и получаетъ свою спеціальную цѣль; именно тѣмъ, что каждая часть занята своею спеціальною цѣлью и не вмѣшивается въ остальныя, и достигается та общая цѣль, для достиженія которой соединена дѣятельность многихъ лицъ. Еслибъ каждое изъ этихъ лицъ должно было заниматься не только тѣмъ производствомъ, которое составляетъ его спеціальность, но еще и тѣми производствами, которыми заняты остальные, — тогда бы и соединеніе труда и спеціализація не имѣли бы никакого смысла.

Но, *чтобъ имѣть всѣ блага, отдѣльное лицо должно совершить много добывательныхъ актовъ и совершеніе одного изъ нихъ не освобождаетъ его отъ необходимости совершить остальные,* съ одной стороны; съ другой — *это не освобож-*

даетъ другихъ лицъ отъ необходимости совершить тотъ-же самый актъ. Иными словами говоря, добывательные акты не спеціализируются: одинъ человѣкъ не можетъ спеціально *добывать* только одни блага, другой — другія и т. д. Каждый человѣкъ необходимо самъ долженъ совершить всѣ мѣновые акты. Чтобы получить возможность потреблять, каждый человѣкъ необходимо долженъ совершить столько обмѣновъ, сколько есть благъ, которыя ему нужны. Если онъ захочетъ спеціализировать свои мѣновые акты, т. е. если онъ захочетъ совершить не всѣ мѣновые акты, а только одинъ изъ нихъ, то онъ не въ состояніи будетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что тогда какъ *при производствѣ* всѣ блага получаются (для всѣхъ, слѣдовательно и для отдѣльнаго лица) только при томъ условіи, чтобъ отдѣльное лице спеціализировалось на производствѣ только одного извѣстнаго блага; — *при обмѣнѣ* всѣ блага могутъ существовать у всѣхъ, слѣдовательно — у отдѣльнаго лица, только въ томъ случаѣ, когда отдѣльное лице не спеціализируется на совершеніи только одного извѣстнаго обмѣна, помощью котораго получается только одно извѣстное благо: оно напротивъ — должно совершить всѣ обмѣны и это-же самое должны сдѣлать всѣ.

Но спеціализація отдѣльнаго человѣка есть только послѣдствіе соединенія дѣятельности многихъ лицъ. Если существуетъ это соединеніе, то существуетъ и спеціализація; но если его нѣтъ, то не можетъ быть спеціализаціи: потому что, какимъ образомъ отдѣльный человѣкъ можетъ спеціализироваться на производствѣ только одного блага, когда его природа требуетъ многихъ благъ, а эти многія блага никѣмъ не производятся; очевидно, что спеціализація послужитъ къ погибели этого лица, и что эта погибель перейдетъ въ благосостояніе, когда другіе начнутъ производить остальные продукты, т. е. когда дѣятельность многихъ соединится.

Мы можемъ отсюда сдѣлать обратный выводъ: коль-скоро мы видимъ, что извѣстные акты не совершаются только одними лицами, а всѣми, — то это доказываетъ, что дѣятельность, помощью которой эти акты совершаются — не соединенная, а изолированная.

Вотъ, слѣдовательно, разница между производствомъ и обмѣномъ: производство, послѣдствіемъ котораго является обмѣнъ, есть сфера соединенной дѣятельности *многихъ* лицъ, обмѣнъ есть сфера изолированной дѣятельности; въ первой мы видимъ спеціализацію отдѣльнаго человѣка, во второй — нѣтъ спеціалистовъ [1].

Послѣ предъидущаго мы можемъ уже задаться вопросомъ, какой смыслъ имѣетъ мѣновое орудіе? Къ какому бы періоду хозяйства ни принадлежалъ мѣновой актъ, въ какое бы время онъ ни совершался, во всякомъ случаѣ природа его остается неизмѣнной. Онъ остается актомъ, въ которомъ проявляется изолированная дѣятельность отдѣльнаго человѣка. Въ экономической литературѣ признано однако, что этотъ актъ совершается въ періодъ денежнаго хозяйства вовсе не такъ, какъ въ періодъ натуральнаго, что разница заключается въ совершенствѣ результатовъ мѣноваго денежнаго акта, далеко выше стоящаго по сравненію съ бѣднымъ результатами мѣноваго акта натуральнаго хозяйства, — наконецъ признано, что это совершенство есть по-

---

[1] Само собою понятно, что изъ сказаннаго не вытекаетъ отрицанія спеціальнаго торговаго промысла, по той простой причинѣ, что въ торговомъ промыслѣ вовсе не спеціализируется обмѣнъ: существованіе купцовъ никого не освобождаетъ отъ необходимости совершить обмѣнъ, оно только облегчаетъ это совершеніе. Дальнѣйшее изслѣдованіе причинъ, обусловливающихъ указанную разницу между производствомъ и обмѣномъ, сливается съ изслѣдованіемъ причинъ, вообще обусловливающихъ соединеніе труда многихъ лицъ или изолированность труда, и потому здѣсь оставляется до болѣе подходящаго случая.

слѣдствіе именно того, что мѣновой актъ совершается помощью орудія.

Если въ мѣновомъ актѣ, самомъ по себѣ, нѣтъ ничего такого, что не дозволяло бы примѣнить къ нему орудіе, — то, съ другой стороны, мы здѣсь видимъ, что и природа орудія не извращается отъ примѣненія его къ мѣновому акту. Сущность орудія заключается въ томъ, что оно увеличиваетъ успѣшность человѣческой дѣятельности, совершаемыхъ имъ для достиженія цѣлей актовъ. То-же самое, видимъ мы, и въ данномъ случаѣ производитъ орудіе, употребляемое при обмѣнѣ: какъ производственное орудіе увеличиваетъ успѣшность производства, совершенствуетъ это производство, такъ точно и мѣновое орудіе совершенствуетъ обмѣнъ. Неизвѣстное, значитъ, сводится къ слѣдующему вопросу: *какимъ образомъ* мѣновое орудіе совершенствуетъ обмѣнъ, что въ немъ есть такого, вслѣдствіе чего мѣновой актъ цивилизованнаго человѣка становится такъ успѣшнымъ? Обратимся къ анализу денежнаго обмѣна.

Денежный обмѣнъ есть только иное выраженіе для обозначенія торговли; торговый фактъ есть такой хозяйственный фактъ, въ которомъ на первомъ планѣ въ сознаніи хозяйствующаго лица выступаетъ мѣновой моментъ. Это значитъ, что торговля отъ обмѣна отличается не такъ, какъ два объективныя явленія сами по себѣ отличаются одно отъ другаго, независимо отъ того, что бы ни думалъ о нихъ человѣкъ. Объективно разсматриваемые, обмѣнъ и торговля тождественны. Разница между ними та, что тогда какъ обмѣнъ можетъ существовать самъ по себѣ (т. е. въ то время, когда человѣкъ можетъ безсознательно обмѣниваться), торговля не зависимо отъ сознанія существовать не можетъ. Нѣтъ торговаго факта an sich. Это фактъ изъ сознательной человѣческой жизни взятый, т. е. это — историческій фактъ.

Вотъ этотъ-то сознательный обмѣнъ совершается помощью денегъ. Отличительная черта торговаго обмѣна — его сознатель-

пость — обусловливается тѣмъ, что мѣновой актъ обособляется отъ другихъ хозяйственныхъ и является самостоятельнымъ, свою спеціальную цѣль имѣющимъ актомъ. Когда обмѣнъ становится самостоятельнымъ, целесообразнымъ актомъ — когда онъ совершается помощью денегъ — тогда мы видимъ, что онъ совершается не такъ уже, какъ онъ совершался при отсутствіи денегъ. Въ этотъ послѣдній періодъ при обмѣнѣ натурой *отдача* своего блага и *полученіе* эквивалента за него совершается *одновременно*. Характеризующее натуральный обмѣнъ заключается въ томъ, что два акта (отдача и полученіе) иначе не могутъ совершиться, какъ одновременно. Оба акта слиты и не различаются въ сознаніи совершающаго ихъ лица: мѣновой актъ есть простой актъ для этого лица. Совершенно иное мы видимъ при денежномъ обмѣнѣ. Каждый отдѣльный человѣкъ, желающій совершить обмѣнъ, имѣетъ предъ собою двѣ цѣли, ясно другъ отъ друга отличающіяся въ его сознаніи и обособленныя, которыя достигаются особыми, спеціально каждую изъ нихъ въ виду имѣющими, актами. Съ одной стороны, онъ долженъ вывести изъ своего хозяйства мѣноспособное благо, въ которомъ онъ признаетъ мѣновую цѣнность. Для достиженія этой цѣли онъ совершаетъ актъ *продажи*. Съ другой — онъ долженъ привести въ свое хозяйство именно то благо, въ которомъ признаетъ цѣнность потребленія; для этого онъ совершаетъ актъ *покупки*.

О томъ, что покупка и продажа суть два рѣзко одинъ отъ другаго отличающіеся акта, — которые однако все-таки составляютъ части одного цѣлаго, — что они взаимно обусловливаютъ свое существованіе и необходимо другъ отъ друга предполагаютъ, — нечего здѣсь и говорить. Нечего распространяться также и о томъ, что на такія двѣ части обмѣнъ разбивается вслѣдствіе вмѣшательства денегъ: это фактъ извѣстный; неизвѣстно только, почему онѣ оказываютъ такое вліяніе?

Всякая продажа есть полученіе денегъ отъ лица, которому

отдана вещь за эти деньги. Всякая покупка есть отдача денегъ за вещь, въ которой признается цѣнность потребленія. Каждый человѣкъ необходимо долженъ прежде продавать, а потомъ покупать. Это значитъ, что каждый человѣкъ необходимо долженъ *прежде добыть* мѣновое орудіе, *потомъ* помощью этого мѣноваго орудія онъ *добываетъ* необходимый продуктъ. Но всякая продажа съ одной стороны предполагаетъ съ другой стороны покупку. Это значитъ, что при всякомъ добываніи мѣноваго орудія необходимо предполагается съ другой стороны случай утилизированія орудія. Когда одинъ человѣкъ утилизируетъ, то это немыслимо безъ того, чтобы другой человѣкъ въ то-же самое время не добывалъ этого самаго орудія: это мы говоримъ каждый разъ, когда повторяемъ, что нѣтъ покупки безъ соотвѣтствующей ей продажи.

Мы видимъ отсюда, что обмѣнивающіяся лица при денежномъ обмѣнѣ должны необходимо находиться не въ одинаковой стадіи мѣноваго процесса. Въ то время, когда одно изъ обмѣнивающихся лицъ заканчиваетъ свой обмѣнъ пріобрѣтеніемъ вещи, въ которой оно признаетъ цѣнность потребленія, *въ то-же самое время* другое лице, съ которымъ первое совершаетъ обмѣнъ, только еще начинаетъ свой мѣновой процессъ добываніемъ мѣноваго орудія. Въ то время, значитъ, когда одно лице получаетъ то, что ему нужно, въ то самое время другое лице, отдавшее первому это необходимое, получаетъ только общую возможность имѣть необходимое: оно получаетъ орудіе, которое особымъ актомъ должно будетъ еще быть утилизированнымъ, чтобъ можно было имѣть необходимое. Это совершается при всякомъ денежномъ обмѣнѣ, т. е. при всякомъ денежномъ обмѣнѣ у одного лица отсрочивается полученіе полезной вещи, и именно у того, которое принесло на рынокъ полезную вещь.

Что же это означаетъ? Означаетъ ли это, что правъ былъ Маклеодъ, когда онъ назвалъ деньги кредитнымъ знакомъ? Если

означенная отсрочка доказываетъ кредитъ, то значитъ всякая продажа есть продажа въ кредитъ, потому что полезная вещь не получается продающимъ непосредственно послѣ того, какъ онъ отдалъ свой продуктъ, а только по истеченіи извѣстнаго времени, въ теченіи котораго длится актъ покупки? Но если денежный знакъ есть кредитный, если денежный знакъ есть «передаточный долгъ», то спрашивается — чей это долгъ? На это политико-экономы уже съ довольно давнихъ поръ почти единогласно отвѣчаютъ: кто имѣетъ въ рукахъ деньги, у того въ рукахъ — общественное обязательство; деньги доказываютъ, что общество находится у обладающаго ими въ долгу. Но что это за должникъ такой — общество? Вѣдь это даже и не юридическое лицо; какія же могутъ у него быть обязательства? И что, съ другой стороны, этотъ должникъ мало заботится о своихъ кредиторахъ, а кредиторы въ самую трудную минуту забываютъ должника, доказывается тѣмъ, что, когда деньги депреціируются, никому не приходитъ въ голову протестовать противъ общества, котораго обязательства въ этомъ случаѣ падаютъ въ цѣнѣ. Если деньги — общественныя обязательства, то значитъ депреціація денегъ есть общественное банкротство. Но что сказали бы о человѣкѣ, который потребовалъ бы у общества вознагражденіе за понизившіяся въ цѣнѣ обязательства? Сказали бы, что такой человѣкъ зараженъ коммунистическими идеями. Но не онъ въ этомъ послѣднемъ былъ бы виноватъ: виновата была бы теорія общественныхъ обязательствъ.

Что есть кредитныя продажи — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но что всѣ продажи — кредитны, должно быть положительно отрицаемо: [1] уплатившій за полученное деньгами не беретъ на себя *никакихъ* обязательствъ, ни какъ отдѣльный человѣкъ,

[1] Имѣя при этомъ въ виду обыденное пониманіе кредита, необходимо предполагающее обязательство.

ни какъ членъ общества. Всего очевиднѣе становится несостоятельность мнѣнія, будто денежный обмѣнъ есть кредитный, т. е. порождаетъ долги, когда мы его сравниваемъ съ кредитнымъ обмѣномъ. Это сравненіе мы сдѣлаемъ ниже, въ настоящее время замѣтимъ, что это мнѣніе есть послѣдствіе недостаточнаго анализа какъ денежнаго обмѣна, такъ и кредитнаго. Возвратимся опять къ анализу денежнаго обмѣна и постараемся объяснить ту его особенность, которая наводитъ на мысль о кредитности. Чрезъ употребленіе денегъ обмѣнъ разбивается на два особенныхъ акта, которые вмѣстѣ имѣютъ одну общую цѣль, но вмѣстѣ съ тѣмъ, взятые каждый порознь, имѣютъ каждый свою особую цѣль. Представляетъ ли мѣновой актъ, совершаемый помощью орудія, въ этомъ отношеніи какую-нибудь особенность, — или всякій актъ, для чего бы онъ ни совершался, представляетъ тѣ же особенности, коль-скоро онъ совершается помощью орудія? Иначе говоря, высказывается ли въ этой особенности нѣчто такое, что обусловливается исключительно цѣлью, съ которой совершается мѣновой актъ, объектомъ, на добываніе котораго устремлена человѣческая дѣятельность, — или же въ ней высказывается общее начало, лежащее въ основѣ всякой человѣческой дѣятельности, что бы ни было ея объектомъ? Гдѣ основаніе этой особенности: въ субъектѣ дѣйствія, или объектѣ — въ человѣкѣ или въ вещи?

Обратимся къ производству, совершаемому помощью орудія. Чтобы кто-нибудь могъ совершать производственныя дѣйствія помощію орудія, онъ долженъ прежде произвести это орудіе. Когда орудіе будетъ произведено, тогда работа орудіемъ будетъ возможна. Совершеніе производственныхъ актовъ *помощью* орудія доказываетъ, что результатъ, который будетъ полученъ отъ этихъ актовъ, нельзя будетъ считать продуктомъ только этихъ актовъ. Въ появленіи этого результата повинны какъ эти акты, такъ и орудіе, т. е. то производство, продуктомъ котораго было орудіе.

Значитъ, при производствѣ съ орудіемъ слѣдуетъ говорить о двухъ производствахъ, а не объ одномъ только: первое производство есть то, продуктомъ котораго было орудіе: вторымъ производствомъ собственно утилизируется первое производство. Еслибъ не было втораго производства, тогда бы отъ перваго не было никакого прока. Далѣе, оба эти производства не могутъ совершаться одновременно: въ одно и то-же время и производить орудіе и производить орудіемъ есть физическая невозможность. Еще далѣе, каждое изъ этихъ производствъ необходимо предполагаетъ и обусловливаетъ другое: производство орудія не совершилось бы, еслибъ не имѣлось въ виду производство орудіемъ, это означаетъ, что первое предполагаетъ второе; кромѣ того производство орудіемъ невозможно, если не было производства орудія, это означаетъ, что послѣднее не только предполагаетъ, но и обусловливаетъ первое. Точно такъ производство орудіемъ, возвышая успѣшность труда, обусловливаетъ дальнѣйшее производство орудій. Изъ всего этого вытекаетъ, что не смотря на обособленность обоихъ производствъ, онѣ все-таки тѣсно другъ съ другомъ связаны, имѣя одну общую цѣль.

Это значитъ, иными словами, что производство посредствомъ орудія есть *кооперацiонное* производство или трудосоединительное. Вся дѣятельность, необходимая для достиженія цѣли, разбивается на обособленные производственные процессы, которые другъ другу помогаютъ для достиженія одной общей цѣли: труды различныхъ временъ сочетаются, кооперируютъ другъ съ другомъ. Значитъ, вся дѣятельность облеклась въ кооперацiонную форму, которая собственно есть причина увеличившейся успѣшности труда, отличающей работу помощью орудія. При работѣ помощью орудія совершается соединеніе, сочетаніе текущей работы съ предшествовавшей ей другой работой, результатомъ которой было орудіе: совершается слѣдовательно соединеніе текущаго труда съ прошлымъ. Работа помощью орудія есть затрата дѣятельности,

облеченной въ ту кооперацiонную форму, которую мы назвали въ другомъ мѣстѣ капиталомъ; оттого-то орудiе считаютъ капиталомъ. Далѣе, при изготовленiи орудiя мы опять видимъ сочетаніе труда: именно сочетаніе текущаго труда съ будущимъ.

Изъ всего этого видно, что употребленіе орудiя есть употребленіе кооперацiи. Орудiе совершенствуетъ производство не само по себѣ; само по себѣ орудiе есть мертвая вещь, которая ничего не можетъ совершенствовать. Это совершенство есть послѣдствiе сознательной человѣческой дѣятельности, *соединенности* ея, а не чего-либо ей внѣшняго. Кооперацiя, соединенность труда, — вотъ причина увеличенiя успѣшности дѣятельности совершаемой помощью орудiя.

Сущность этой кооперацiи, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что вся дѣятельность разбивается на отдѣльныя части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою спецiальную цѣль, но которыя все таки тѣсно связаны, другъ друга предполагаютъ и обусловливаютъ. Это происходящее въ одно время и раздѣленiе и соединенiе дѣятельности есть основная причина увеличенiя успѣшности производства, законъ производственнаго прогресса.

Перейдемъ къ обмѣну совершаемому съ помощью орудiя, къ прогрессивному или успѣшному обмѣну и сравнимъ его съ производствомъ, которое совершается съ помощью орудiя, съ успѣшнымъ производствомъ. Конечно при этомъ сравненiи исходнымъ пунктомъ должно быть взято, что употребленiе орудiя дѣйствительно совершенствуетъ обмѣнъ. Но этотъ пунктъ — безспорный: сравненiе мѣноваго акта натуральнаго хозяйства съ мѣновымъ актомъ денежнаго показываетъ такую громадную разницу, что ее кладутъ въ основанiе перiодизированiя хозяйственной исторiи. Это означаетъ, что нѣтъ въ хозяйственной исторiи случая прогресса, подобнаго тому, который произведенъ употребленiемъ мѣноваго орудiя. Вѣрно ли это, или нѣтъ,—вопросъ особый; для насъ въ данномъ случаѣ важно то, что это всѣми признается.

Употребленіе орудія въ *производствѣ* предполагаетъ два акта: актъ изготовленія его и актъ его утилизированія; вслѣдствіе этого производство помощью орудія есть процессъ, растягивающійся во времени. Если мы обратимся къ обмѣну, то увидимъ, что и онъ отъ употребленія орудія также растягивается во времени, какъ производственный процессъ растягивается отъ употребленія машины. Какъ послѣдній въ этомъ случаѣ представляется соединеніемъ двухъ актовъ, другъ за другомъ слѣдующихъ, обособленныхъ рѣзко, но все-таки тѣсно между собою связанныхъ и имѣющихъ одну общую цѣль — *производство* продукта годнаго для потребленія: такъ точно и мѣновой актъ отъ употребленія денежнаго знака представляется соединеніемъ двухъ актовъ, другъ за другомъ слѣдующихъ, рѣзко обособленныхъ, но все-таки тѣсно связанныхъ и имѣющихъ одну общую цѣль — *добываніе* продукта годнаго къ употребленію. Какъ въ первомъ случаѣ существованіе двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ актовъ есть послѣдствіе отъ употребленія орудія, такъ точно и существованіе продажи и покупки и невозможность ихъ одновременнаго существованія есть послѣдствіе употребленія денегъ: должно быть прежде *добыто* орудіе обмѣна, помощью одного мѣноваго акта, и только потомъ, посредствомъ другаго мѣноваго акта, совершается утилизированіе результата перваго мѣноваго акта, добывается необходимый продуктъ; такъ точно помощью одного производственнаго акта изготовляется орудіе, посредствомъ другаго оно утилизируется — производится необходимый продуктъ.

Признано, что въ производствѣ увеличеніе успѣшности есть послѣдствіе употребленія орудія. Анализируемъ это употребленіе орудія и находимъ, что оно заключается въ раздѣленіи дѣятельности на тѣсно связанныя части, другъ другу способствующія къ достиженію одной общей цѣли; мы видимъ, короче, кооперацію и связываемъ эту кооперацію причинной связью съ увеличеніемъ успѣшности. На вопросъ, *какимъ образомъ* орудіе совер-

шенствуетъ производство, — мы отвѣчаемъ: чрезъ кооперацію.

Признано, что въ обмѣнѣ увеличивается успѣшность отъ употребленія орудія. Анализируемъ это употребленіе и находимъ, что оно заключается въ раздѣленіи обмѣна на два акта, обособленные и все-таки связанные, способствующіе другъ другу къ достиженію одной общей цѣли. Продажа, то есть добываніе мѣноваго орудія, такъ-же немыслима безъ покупки, акта утилизированія его, какъ изготовленіе производственнаго орудія немыслимо безъ производственнаго акта, которымъ оно утилизируется. Такъ точно, какъ необходимо совершить этотъ второй производственный актъ, если желаютъ, чтобъ орудіе не лежало безплоднымъ, такъ-же точно и мѣновое орудіе лежитъ безплоднымъ до совершенія акта покупки. Съ какой бы стороны мы ни сравнивали процессъ употребленія мѣноваго орудія съ процессомъ употребленія производственнаго орудія, вездѣ мы находимъ эти процессы тождественными. Отсюда мы заключаемъ, что на вопросъ — *какимъ образомъ* мѣновое орудіе совершенствуетъ обмѣнъ, слѣдуетъ отвѣчать, тѣмъ-же, чѣмъ отвѣчается на вопросъ — какимъ образомъ производственное орудіе совершенствуетъ производство, т. е. помощью кооперации, сочетанія дѣятельности.

Мы не утверждаемъ, что обмѣнъ и производство тождественны, — не утверждаемъ также, что, облеченные въ кооперативную форму, обмѣнъ и производство становятся тождественными, — не утверждаемъ наконецъ и того, что обмѣнъ и производство облекаются въ одинаковыя кооперативныя формы. Мы утверждаемъ, что въ основѣ возрастанія успѣшности обмѣна и производства лежитъ одно и то-же общее начало, хотя его формы проявленія и могутъ быть различны: *одинъ и тотъ-же законъ управляетъ и прогрессомъ производства и прогрессомъ обмѣна. Это законъ кооперации.*

Сущность кооперации заключается въ соединеніи обособленныхъ актовъ для одной общей цѣли. Когда эти акты совершаются

одновременно различными лицами, тогда кооперація является въ формѣ раздѣленія труда. Но раздѣленіе труда не есть единственная форма кооперацiи. Не всегда части производственнаго процесса совершаются одновременно, потому что это не всегда возможно; оттого кооперируютъ другъ съ другомъ *не только* труды одного и того-же времени, т. е. не всегда кооперація можетъ совершаться въ формѣ чистаго раздѣленія труда. И труды различныхъ временъ сочетаются для кооперированія: есть работы для будущаго, т. е. работы, отъ которыхъ непосредственно не получаются полезные результаты; эти полезные результаты получаются только послѣ работы, слѣдующей за первою. Это всегда должно имѣть мѣсто, когда производственный процессъ дѣлится на части, которыя не возможно совершить одновременно. Когда кто-либо *начинаетъ* такой производственный процессъ, тогда очевидно, что онъ соединяетъ текущій трудъ съ будущимъ трудомъ. Будетъ ли этотъ будущій трудъ затраченъ тѣмъ-же человѣкомъ, который затрачиваетъ трудъ, начиная производственный процессъ, или не имъ, — во всякомъ случаѣ — передъ нами новая форма сочетанія труда: кооперація текущаго труда съ будущимъ. Когда кто-либо заканчиваетъ производственный процессъ, части котораго не могутъ быть совершены одновременно, то само собою очевидно, что заканчивать онъ можетъ только потому, что этому предшествовала работа. Совершалъ ли эту прошлую работу тотъ-же, который совершаетъ настоящую или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ передъ нами опять новая форма кооперацiи — сочетаніе текущаго труда съ прошлымъ.

Слѣдовательно, тѣмъ что сочетаемые труды въ однихъ случаяхъ могутъ совершаться одновременно, въ другихъ же не могутъ — обусловливаются три формы кооперацiи: сочетаніе текущаго труда съ текущимъ, сочетаніе текущаго труда съ прошлымъ и сочетаніе текущаго труда съ будущимъ. Подъ *текущимъ* трудомъ мы разумѣемъ трудъ, наблюдаемый въ моментъ его за-

траты, подъ *прошлымъ* — трудъ послѣ момента его затраты, подъ *будущимъ* — трудъ до момента его затраты.

Въ эти формы кооперації облекается или совокупная дѣятельность многихъ лицъ, или изолированная дѣятельность отдѣльнаго лица. Понятно однако, что изолированная дѣятельность отдѣльнаго лица не можетъ облекаться въ ту кооперативную форму, которую называютъ раздѣленіемъ труда. И въ этомъ заключается преимущество, которое имѣетъ совокупная дѣятельность многихъ лицъ предъ изолированною дѣятельностью. Первая способна облекаться во всѣ три формы, тогда какъ послѣдняя можетъ облекаться только въ двѣ изъ нихъ. Изолированной дѣятельности возможно совершать только такіе цѣльные процессы дѣятельности, которыхъ части выполняются разновременно, да и то — не всѣ такіе процессы. Для нея нѣтъ той формы кооперації, помощью которой всѣ части совершаются одновременно. Только совокупной дѣятельности это возможно.

Отсюда мы видимъ, что по отношенію къ кооперації между изолированной дѣятельностью и совокупной есть только разница, которая обусловливается особенностью одной кооперативной формы; но во всякомъ случаѣ законъ возрастанія успѣшности человѣческихъ актовъ есть законъ кооперації и подъ этотъ законъ одинаково подходятъ какъ изолированная дѣятельность, такъ и совокупная многихъ лицъ.

Предъ нами были два акта: производственный и мѣновой, или добывательный. Эти акты различны, потому что цѣли, которыя достигаются съ ихъ помощью, различны. Но оба они имѣютъ то общее, что они суть проявленія творческой человѣческой силы, оба они суть цѣлесообразныя дѣйствія, въ результатѣ которыхъ получаютъ блага, необходимыя и неполучаемыя иначе, какъ только этимъ путемъ. Это общее, — обусловливающееся тѣмъ, что природа человѣческой дѣятельности неизмѣнна, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, — не можетъ остаться безъ послѣдствій,

и мы замѣчаемъ эти послѣдствія въ *единствѣ закона, которому подчиняется возрастаніе успѣшности производственныхъ и мѣновыхъ актовъ.*

Въ совершеніи производственныхъ и мѣновыхъ актовъ заключается вся хозяйственная жизнь съ той узкой точки зрѣнія на хозяйство, которая до недавняго времени была единственною и съ весьма недавняго—начала по-немногу оставляться. Замѣчательно здѣсь наблюдать, какое послѣдствіе влечетъ за собой эта узкая точка зрѣнія, разрывающая человѣка на части. Потерявъ изъ виду цѣльнаго человѣка. увѣряя, что экономическая наука знаетъ ту только сторону человѣка, которая проявляется въ стремленіи за матеріальными благами, поставивъ центромъ хозяйство не всего человѣка, а только часть его, — политико-экономы потеряли всякую связь, соединяющую различныя проявленія человѣческой дѣятельности, а слѣдовательно и тѣ два проявленія, которыя были отписаны для хозяйства. Такимъ образомъ даже и мѣновой и производственный акты стояли особнякомъ, безъ внутренней связи, безъ единства; даже и та часть человѣческой дѣятельности, которая была отмежована для хозяйственной науки, даже и эта часть была разорванная, изъ лоскутковъ составленная. И въ этомъ главная основа такихъ утвержденій, какъ, съ одной стороны, Дж.-Ст. Милля, будто можно изслѣдовать все производство, не упомянувъ даже объ обмѣнѣ, или съ другой — Маклеода, что можно безъ всякихъ разсужденій о производствѣ изслѣдовать весь обмѣнъ. Какъ будто человѣкъ становится совершенно инымъ, какъ будто его природа мѣняется, смотря потому, на что обращена его дѣятельность; какъ будто человѣкъ, занимаясь въ извѣстной отрасли производства, теряетъ свои человѣческія черты и можетъ характеризоваться только тѣми признаками, которыми отличается эта отрасль. И это утверждали тѣ-же самые политико-экономы, которые на практикѣ были защитниками чисто-человѣческаго и отыскивали это общее

человѣческое въ фабричныхъ рабочихъ, сапожникахъ, портныхъ и т. п., освобождая людей, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ матеріальной дѣятельности, отъ того, что ихъ характеризовало, какъ производителей *извѣстныхъ вещей*, и обобщая то общее, которое въ нихъ было, какъ въ *производителяхъ*[1]. Тѣмъ болѣе, значитъ, слава Рошера и Книса, впервые расширившихъ кругозоръ экономическій, впервые заговорившихъ объ единствѣ всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности.

II.

Въ ряду основныхъ хозяйственныхъ фактовъ, изслѣдованіемъ которыхъ занималась хозяйственная наука, кредитъ есть продуктъ наиболѣе новаго времени; поэтому и теорія кредита изъ всѣхъ частей экономической науки есть наименѣе выработанная.

Существеннѣйшій недостатокъ господствующей теоріи кредита заключается въ томъ, что ей недостаетъ начала. Мысль, что кредитъ есть извѣстнаго рода мѣновой актъ, постепенно вырабатывалась, такъ что наконецъ въ настоящее время это опредѣленіе можно

[1] Я считаю однако долгомъ своимъ признаться здѣсь, что какъ бы вѣрны и важны ни были эти упреки, тѣмъ не менѣе ихъ гораздо легче дѣлать, нежели избѣгать; говорю это, опираясь на собственный опытъ: когда я писалъ свое изслѣдованіе «о колебаніи цѣнъ», мнѣ казалось, что я до-того проникнутъ идеей единства человѣческой дѣятельности и ея исключительнаго значенія въ хозяйственной сферѣ, что противъ нея уже не погрѣшу. Тѣмъ не менѣе въ моемъ изслѣдованіи встрѣчается не мало мѣстъ, доказывающихъ противуположное; извиненіемъ мнѣ можетъ быть то обстоятельство, что всѣ эти мѣста встрѣчаются только при обсужденіи отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, которыхъ я самъ себѣ тогда еще не разъяснилъ вполнѣ. Въ томъ-то и дѣло, что быть проникнутымъ идеей, вообще выраженной, еще мало; что необходимо прежде провести ее чрезъ всѣ частности и мелочи экономической науки, и только тогда можно быть свободнымъ отъ грѣховъ противъ нея.

считать принятымъ. По крайней мѣрѣ оно было повторяемо самыми замѣчательными политико-экономами послѣднихъ 15 лѣтъ. Высказанное въ первый разъ, кажется, г. *Бунге* (Теорія кредита. 1852), оно потомъ опять было высказано *Дитцелемъ*, (System der Staatsanleihen. 1855), за-тѣмъ почти одновременно *Маклеодомъ* (Elements of political economy 1858) и *Книсомъ* (Erörterungen über den Credit), и наконецъ въ послѣднее время подкрѣплено превосходными соображеніями *Шеффле* (Bourgeois- und Arbeiternationaloekonomie). Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ опредѣленій кредита послѣднее опредѣляетъ дѣйствительно *кредитъ*; существовавшія до того опредѣленія собственно опредѣляли не кредитъ, а различныя побочныя обстоятельства, которыя находятся въ связи съ кредитомъ.

Принявъ однако это опредѣленіе за вѣрное, нетрудно замѣтить, что ему недостаетъ одного, для того чтобы быть дѣйствительно опредѣленіемъ, а не однимъ описаніемъ: оно необосновано. Въ самомъ дѣлѣ, признано, что обмѣнъ есть послѣдствіе соединенной дѣятельности многихъ лицъ; безъ соединенной дѣятельности многихъ лицъ не было бы и обмѣна. Коль-скоро кредитъ есть извѣстнаго рода обмѣнъ, значитъ извѣстнаго рода соединенная дѣятельность многихъ лицъ должна его обусловливать. Спрашивается: какого же это именно рода?

На этотъ вопросъ до сихъ поръ еще никто не далъ отвѣта, и именно потому мы сказали, что теоріи кредита недостаетъ начала: производственное основаніе или производственное начало кредита не разъяснено.

Цѣль нижеслѣдующаго—по мѣрѣ силъ сдѣлать что-нибудь для выясненія этой части теоріи кредита. Данная мною постановка вопроса сама уже указываетъ, гдѣ именно слѣдуетъ искать начало, основаніе кредита. Если вѣрно, что обмѣнъ ни чѣмъ другимъ не обусловливается, какъ только соединенною дѣятельностью многихъ людей, то значитъ, особенности кредитнаго обмѣна

должны обусловливаться особенностями неизвѣстнаго вида соединенія дѣятельности многихъ лицъ. Этотъ-то неизвѣстный видъ намъ нужно привести въ извѣстность.

Въ литературѣ принято обусловливать обмѣнъ раздѣленіемъ труда. Кредитный обмѣнъ есть очевидное доказательство, что раздѣленіе труда не есть единственная форма соединенной дѣятельности многихъ лицъ. Одна и та-же причина не можетъ обусловливать вмѣстѣ и *родъ* (обмѣнъ) и *видъ* (кредитный обмѣнъ). Съ другой стороны, очевидно, что неизвѣстная форма соединенной дѣятельности не можетъ быть простая, она должна быть сложная: изъ раздѣленія труда [1], которое будетъ обусловливать родовые признаки, и еще изъ чего-то новаго, которое будетъ обусловливать признаки видовые.

Что-же это за форма соединенной дѣятельности многихъ лицъ, обусловливающая существованіе цѣлаго разряда мѣновыхъ актовъ, который безъ нея вовсе не существовалъ бы? Чтобъ получить хоть нѣкоторое указаніе на-счетъ того, что мы ищемъ, вспомнимъ, что цѣль, съ которою совершается актъ, обусловливаетъ употребляемый при этомъ пріемъ.

На-счетъ цѣли кредитнаго мѣноваго акта всѣ политико-экономы высказываются единогласно. Эта цѣль заключается въ наилучшемъ для производства распредѣленіи капиталовъ или продуктовъ, имѣющихъ производственное назначеніе. Посредствомъ кредитнаго обмѣна эти продукты переходятъ изъ рукъ менѣе производительныхъ въ руки болѣе производительныя. Такъ-какъ мнѣнія относительно этого пункта у всѣхъ сходятся, то мы можемъ положеніе, по которому объекты кредитнаго обмѣна суть продукты назначенные для производства, считать вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности и потому годнымъ для того, чтобъ служить пробнымъ камнемъ для результатовъ нашего анализа.

---

[1] Если дѣйствительно раздѣленіе труда обусловливаетъ обмѣнъ.

Въ замѣткѣ къ теоріи денегъ я указалъ на то, что кооперація можетъ проявляться въ трехъ основныхъ формахъ. Остановимся на сочетаніи текущаго труда съ будущимъ.

Когда облекающаяся въ кооперативную форму дѣятельность разбивается на такія обособленныя части, которыя могутъ быть совершаемы только разновременно, то, наблюдая *въ началѣ* производственный процессъ, совершаемый помощью такой дѣятельности, мы имѣемъ предъ собою случай сочетанія текущаго труда съ будущимъ. Мы видимъ въ этомъ случаѣ, что затрачивается трудъ, хотя и не ожидается, что въ результатѣ отъ этой затраты получится готовый продуктъ; затрата совершается въ ожиданіи будущей еще одной затраты, послѣ которой только получится этотъ готовый продуктъ. Въ моментъ первой затраты, значитъ, совершается производство *съ отсрочкой результата*, который — въ будущемъ. Сравнимъ это производство съ кредитнымъ обмѣномъ.

Подъ кредитнымъ обмѣномъ разумѣютъ такой обмѣнъ, когда одно изъ обмѣнивающихся лицъ отсрочиваетъ возвращеніе эквивалента за полученное на извѣстный срокъ. Этотъ обмѣнъ называютъ кредитнымъ именно потому, что существенный элементъ въ немъ — отсрочка полученія или отдачи эквивалента. Но точно такую отсрочку мы замѣчаемъ и при сочетаніи текущаго производства съ будущимъ. Слѣдовательно, мы можемъ такое сочетаніе назвать *кредитомъ производственнымъ*.

Всматриваясь въ кредитный обмѣнъ и кредитъ производственный, мы замѣчаемъ, что производственный кредитъ существенно отличается и составляетъ явленіе, совершенно самостоятельное и отличное отъ кредитнаго обмѣна. Это два понятія о двухъ совершенно различныхъ хозяйственныхъ фактахъ. Но онѣ имѣютъ между собою общаго то, что немыслимы безъ понятія о соединеніи настоящаго и будущаго времени. Кредитъ производственный означаетъ такой *производственный* актъ, когда кто-нибудь

начинаетъ работу въ одно время, ожидая, что у него въ другое время будетъ возможность ее окончить. Кредитный обмѣнъ выражаетъ такой *мѣновой* актъ, когда кто-нибудь въ одно время начинаетъ обмѣнъ, ожидая, что только въ другое время этотъ обмѣнъ окончится.

Можно ли считать производственный кредитъ основаніемъ, причиной, порождающей кредитный обмѣнъ? Отрицательный отвѣтъ самъ по себѣ очевиденъ: производственный кредитъ не обусловливаетъ никакого обмѣна, тѣмъ менѣе слѣдовательно онъ можетъ обусловливать извѣстный видъ обмѣна. Въ самомъ дѣлѣ, отдѣльное лице можетъ своею изолированною дѣятельностью выполнить всѣ части производственнаго процесса, если онѣ такого рода, что должны совершаться разновременно: въ одно время оно совершитъ одну часть, въ другое — другую. Короче — отдѣльное лице можетъ свою изолированную дѣятельность одного момента времени сочетать съ будущею своей изолированной дѣятельностью. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собой производственный кредитъ безъ всякаго обмѣна.

Совершенно иные однако результаты получимъ мы, если нѣсколько видоизмѣнимъ нашу гипотезу и вмѣсто того, чтобъ имѣть дѣло съ простыми формами кооперації, — какъ это дѣлаемъ, когда беремъ то сочетаніе текущаго труда съ текущимъ, то сочетаніе текущаго съ будущимъ, — возьмемъ одну сложную, т. е. возьмемъ такую гипотезу, которая представляла бы и случай соединенія дѣятельности многихъ лицъ, и соединеніе текущаго труда съ будущимъ. Предположимъ, что части, на которыя разбивается производственный процессъ и которыя не могутъ быть совершены одновременно, не совершаются однимъ и тѣмъ-же лицемъ; что одинъ человѣкъ начинаетъ производственный процессъ, а другой его кончаетъ. Что мы въ подобномъ случаѣ имѣемъ предъ собой производственный кредитъ, обусловливается тѣмъ, что части, на которыя разбивается процессъ,

необходимо должны быть выполнены одна послѣ другой, это собственно составляетъ исходный пунктъ. Посмотримъ, какія вліянія оказываетъ то обстоятельство, что разновременно выполняемыя части производственнаго процесса совершаются различными лицами.

Первое послѣдствіе участія многихъ лицъ будетъ — необходимость обмѣна. Если *A* началъ такой производственный процессъ, результатомъ котораго является неготовый продуктъ, если онъ самъ не кончаетъ этого производства, а кончаетъ *B*, то возникаетъ необходимость перехода или передачи неготоваго продукта отъ *начавшаго* производство къ тому, который *окончитъ* производство, т. е. сдѣлаетъ продуктъ вполнѣ готовымъ. Далѣе, работа *B* необходимо должна слѣдовать за работой *A;* отсюда: когда *A* придетъ къ обмѣну, чтобъ отдать *B* результатомъ своего труда, *B* придетъ къ обмѣну, не имѣя еще эквивалента. Онъ получитъ результатъ работы *A* (отдать этотъ результатъ *A* необходимо долженъ, иначе его продуктъ останется неготовымъ, т. е. негоднымъ), но съ отсрочкой эквивалента. Иными словами говоря, предъ нами *кредитный обмѣнъ*, какъ необходимое послѣдствіе того, что соединенною дѣятельностью различныхъ лицъ совершается сочетаніе текущаго труда съ будущимъ.

Слѣдовательно, на выставленный выше вопросъ — какого рода соединенная дѣятельность многихъ лицъ обусловливаетъ кредитный обмѣнъ, мы можемъ теперь отвѣчать такъ: коль-скоро производственный процессъ разбивается на части, иначе не выполнимыя, какъ въ различные моменты времени, — то есть, коль-скоро должно совершиться сочетаніе текущаго труда съ будущимъ или кредитное производство, — и коль-скоро эти различныя части будутъ совершаться не изолированною дѣятельностью отдѣльнаго лица, т. е. если текущій трудъ одного человѣка сочетается, кооперируетъ съ будущимъ трудомъ *другаго* человѣка, —

то естественно необходимымъ послѣдствіемъ появится кредитный обмѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, коль-скоро для какой-нибудь общей цѣли соединяется дѣятельность многихъ лицъ, каждому изъ нихъ приходится совершать часть работы, результатъ которой долженъ переходить къ остальнымъ лицамъ; этотъ переходъ, одинаково необходимый какъ для отдающаго, такъ и для берущаго, обусловливается вотъ чѣмъ: первое послѣдствіе соединенія дѣятельности многихъ лицъ заключается въ томъ, что каждое изъ нихъ спеціализируется на извѣстной части производства; спеціализируются ли они на частяхъ одновременно или разновременно выполняемыхъ — очевидно вопросъ, совершенно не касающійся самаго спеціализированія. Важно то, что безъ спеціализированія соединеніе дѣятельности многихъ лицъ для одной общей цѣли не имѣетъ смысла. Коль-скоро нѣсколько лицъ вмѣстѣ стремятся къ одной цѣли, каждое изъ нихъ должно выполнять одну только часть и притомъ такъ, чтобъ эту часть уже никому больше не приходилось выполнять. Оно ее должно выполнять за себя и за другихъ. То-есть, каждое лице должно спеціализироваться на совершеніе только одной части, ибо въ противномъ случаѣ, для чего произошло соединеніе дѣятельности многихъ лицъ, если каждое изъ нихъ должно исполнить всѣ части? Кромѣ того, спеціализированіе отдѣльнаго лица на извѣстной части освобождаетъ остальныхъ, съ которыми онъ соединялся, отъ необходимости совершать то-же: въ противномъ случаѣ — опять какой смыслъ имѣетъ спеціализированіе? Этими-то двумя фактами: съ одной стороны спеціализированіемъ, съ другой — тѣмъ, что спеціализированіе освобождаетъ всѣхъ, кромѣ одного, отъ необходимости совершить спеціализированный актъ, обусловливается обмѣнъ. То есть: во-первыхъ, потому, что занимающійся спеціально производитъ одного только рода блага, а ему нужны блага многихъ родовъ, — во-вторыхъ, потому, что производя эти блага, онъ освобождаетъ остальныхъ отъ необходимости производить

эти самыя блага, слѣдовательно производить ихъ не только для себя, но и для другихъ, — является необходимость для каждаго спеціалиста совершить такой актъ, помощью котораго онъ, отдавъ блага, которыя сами по себѣ ему не нужны и которыя доказываютъ, что онъ дѣйствительно освободилъ другихъ отъ необходимости совершить то-же самое, что онъ дѣлалъ, — получилъ бы блага, имъ самымъ не произведенныя, отъ производства которыхъ его освободило именно соединеніе дѣятельности многихъ лицъ.

Для вѣрнаго пониманія кредита весьма важно, чтобъ мѣновой актъ былъ связанъ съ тѣми именно причинами, которыя его дѣйствительно порождаютъ. Именно тѣмъ, что на подобнаго рода чисто-теоретическія изслѣдованія съ давнихъ уже поръ обращаютъ мало вниманія, обусловливается теоретическая шаткость, которая въ извѣстной мѣрѣ встрѣчается почти во всѣхъ частяхъ экономической теоріи и на которую съ давнихъ тоже поръ принято жаловаться. Не раздѣленіе труда обусловливаетъ обмѣнъ; въ раздѣленіи труда, самомъ по себѣ, приходится различать двѣ части: во-первыхъ, оно предполагаетъ, что соединяется дѣятельность многихъ лицъ, во-вторыхъ, оно предполагаетъ, что части, на которыя разбивается производство, совершаются всѣми лицами *одновременно*. Въ этомъ послѣднемъ, а не въ первомъ заключается отличительная черта раздѣленія труда: потому что второе немыслимо безъ перваго, тогда какъ первое мыслимо безъ втораго. Сущность раздѣленія труда заключается именно въ томъ, что помощью его совокупность лицъ получаетъ возможность сдѣлать то, что изолированное лицо не можетъ никакимъ средствомъ сдѣлать: совокупность лицъ можетъ всѣ части производственнаго процесса совершить одновременно, а отдѣльное лице никогда этого не можетъ добиться. Вслѣдствіе того, что раздѣленіе труда немыслимо безъ соединенной дѣятельности многихъ лицъ, оно немыслимо безъ обмѣна, но не вслѣдствіе своей особенной от-

личительной черты. Эта послѣдняя обусловливаетъ *качество* совершаемаго обмѣна, а не самый обмѣнъ. Такъ точно, если соединенною дѣятельностью совершается производственный процессъ, разбивающійся на разновременно выполнимыя части, то и тутъ придется различать два послѣдствія: во-первыхъ, общее послѣдствіе соединенной дѣятельности многихъ лицъ — обмѣнъ, во-вторыхъ — *качество* этого обмѣна, его особенности, которыя необходимо должны быть, потому что послѣдняго рода соединенная дѣятельность многихъ лицъ отличается отъ соединенной дѣятельности многихъ лицъ, совершающей производство, которое разбивается на части, *одновременно* выполнимыя.

Эти различія въ *качествахъ* совершаемыхъ обмѣновъ обусловливаются производственными различіями. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ на тотъ обмѣнъ, который является послѣдствіемъ соединенной дѣятельности многихъ лицъ, затрачиваемой на производство, котораго части одновременно выполняются. Вслѣдствіе одновременности работы, всѣ придутъ къ обмѣну, когда у всѣхъ работы будутъ окончены, т. е. каждый изъ нихъ явится къ обмѣну съ продуктомъ. Коль-скоро этого нѣтъ — значитъ раздѣленіе труда не достигло цѣли: оно должно было дать возможность всѣмъ одновременно закончить тѣ производственные процессы, которые пришлись каждому на долю, — иными словами — оно должно было дать возможность каждому явиться къ обмѣну съ продуктомъ. Само собою очевидно, что этотъ обмѣнъ будетъ *наличный*, не будетъ никакихъ отсрочекъ, не будетъ *кредита;* очевидно также то, что *наличность* обусловливается именно тѣмъ, что у всѣхъ, пришедшихъ къ обмѣну, производственные процессы закончились одновременно, иначе у каждаго изъ нихъ не было бы продукта, — и наконецъ одновременность заканчиванія производственныхъ процессовъ обусловливается одновременностью ихъ выполненія, или по-крайней-мѣрѣ, на сколько одновременность

выполненія обусловливаетъ одновременность заканчиванія, на столько она будетъ обусловливать наличность обмѣна.

Если и одновременность выполненія частей, на которыя разбивается производственный процессъ, только въ извѣстной мѣрѣ обусловливаетъ одновременность ихъ заканчиванія, — то разновременность ихъ выполненія никоимъ образомъ уже не обусловливаетъ одновременности ихъ заканчиванія; въ этомъ случаѣ одновременность заканчиванія есть физическая невозможность. Но обмѣнъ все-таки необходимъ. Соединяется дѣятельность многихъ лицъ для сочетанія текущаго труда не съ текущимъ, какъ въ вышеразобранномъ случаѣ, а съ будущимъ. Намъ приходится, значитъ, и здѣсь различать двѣ части: во-первыхъ, соединеніе дѣятельности многихъ лицъ, во-вторыхъ—совершеніе каждымъ изъ этихъ лицъ разновременно выполняющихся работъ. Первая часть выражаетъ черту общую съ вышеразсмотрѣннымъ случаемъ, и послѣдствія ея должны будутъ быть такія-же, какія тогда были; т. е. соединеніе дѣятельности многихъ лицъ для одной общей цѣли и въ этомъ случаѣ должно повлечь за собою обмѣнъ. Ибо и въ этомъ случаѣ оно выражается въ томъ, что каждое отдѣльное лице спеціализируется на одной части производства, которую она выполняетъ за себя и за тѣхъ, которыя спеціализировались на другихъ частяхъ; отсюда видно, почему другіе необходимо должны получить продуктъ труда этого лица: они сами этого продукта не производятъ. Съ другой стороны, это лице производитъ только одинъ продуктъ, являющійся результатомъ одной части производственнаго процесса,—тогда какъ оно нуждается во всѣхъ продуктахъ, которые являются результатами остальныхъ частей процесса. Этихъ остальныхъ частей вслѣдствіе своего спеціализированія наше лицо не выполняло, значитъ оно не имѣетъ и продуктовъ, и для ихъ полученія должно будетъ совершить обмѣнъ. Необходимость обмѣна очевидна.

Посмотримъ теперь на самый обмѣнъ. Наше лице совершило

такую часть производственнаго процесса, которая необходимо должна предшествовать другимъ частямъ, результатомъ которой явился, положимъ, неготовый продуктъ. Слѣдующая часть производственнаго процесса для того именно и нужна, чтобъ сдѣлать изъ неготоваго продукта готовый, или чтобъ работать помощью продукта первой части производства. Но эту слѣдующую часть совершаетъ не то лице, которое совершило первую, а другое лице, слѣдовательно къ нему необходимо долженъ перейдти продуктъ, имѣющій производственное назначеніе. Спрашивается однако, когда второе лице получитъ этотъ продуктъ, что оно дастъ первому, взамѣнъ полученнаго, эквивалентомъ? Вѣдь его производство не кончается одновременно съ производствомъ перваго лица. Къ обмѣну они являются оба по естественной необходимости; но вмѣстѣ съ тѣмъ по такой-же естественной необходимости только одинъ изъ нихъ имѣетъ продуктъ для обмѣна, другой его не имѣетъ и не можетъ имѣть прежде, нежели получитъ продуктъ перваго. Необходимость передачи продукта очевидна, но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидна и особенность этой передачи: первое лице отдастъ свой продуктъ, отсрочивъ полученіе эквивалента до того времени, когда второе лице окончитъ свой производственный процессъ и получитъ продуктъ, — или иначе: второе лице получитъ продуктъ, хотя во время полученія оно не имѣетъ ничего мѣноспособнаго, и если оно все-таки беретъ продуктъ, то въ силу того, что это мѣноспособное будетъ у него непремѣнно по истеченіи извѣстнаго времени. Второе лице, значитъ, совершая обмѣнъ, антиципируетъ свое будущее: въ настоящемъ утилизируетъ существующее въ будущемъ. Первое лице отдаетъ въ кредитъ, второе получаетъ въ кредитъ, въ суммѣ кредитный обмѣнъ.

Имѣя въ виду изслѣдовать производственные антецеденты кредитнаго обмѣна, мы изолировали его составныя части и старались узнать, чѣмъ каждая изъ нихъ обусловливается. При этомъ

мы подъ кредитнымъ обмѣномъ разумѣвали тотъ обмѣнъ, помощью котораго распредѣляются наилучшимъ для производства образомъ капиталы, т. е. продукты, назначенные къ производству. Мы считали, что существенно характеристичное въ кредитномъ обмѣнѣ заключается между прочимъ въ томъ, что мѣновой объектъ не продуктъ, имѣющій потребительное назначеніе, а продуктъ, котораго назначеніе — производственное. Сообразно съ этимъ, мы выше показали, что производственные антецеденты, обусловливающіе кредитный обмѣнъ, имѣютъ смыслъ только для такого продукта, т. е. для продукта, на который еще долженъ быть затраченъ трудъ, т. е. для продукта, имѣющаго производственное назначеніе, не могущаго имѣть иного назначенія, кромѣ производственнаго. Этимъ мы обосновали и отличительные признаки объекта кредитнаго обмѣна, показали, что эти признаки не случайны, а необходимы. То есть для *нормальности* кредитнаго обмѣна необходимо, чтобъ помощью его передавались продукты, имѣющіе производственное назначеніе, или — какъ ихъ въ литературѣ принято называть — капиталы. Это замѣчаніе мы дѣлаемъ на случай, еслибъ кто-нибудь тутъ вспомнилъ, что въ дѣйствительности встрѣчаются кредитные обмѣны, которыхъ объекты суть продукты, необходимые для потребленія. Эти случаи кредитнаго обмѣна вовсе не опровергаютъ признаннаго всѣми положенія, что помощью кредита *капиталы* (т. е. продукты, имѣющіе производственное, а не потребительное назначеніе) переходятъ изъ рукъ менѣе производительныхъ въ болѣе производительныя руки. Если въ дѣйствительности встрѣчаются случаи, что отдѣльныя лица должны брать въ кредитъ продукты потребленія, не имѣя чѣмъ за нихъ заплатить, то *такіе* кредитные обмѣны никто не станетъ считать нормальными и относительно ихъ можно согласиться съ Сеемъ, что чѣмъ меньше человѣкъ совершаетъ *такихъ* кредитныхъ обмѣновъ, тѣмъ ему лучше. Потому что вслѣдствіе того, что этотъ человѣкъ беретъ

продуктъ потребленія въ кредитъ, не произойдетъ никакого увеличенія успѣшности производственной силы; тогда какъ отъ кредитнаго обмѣна продуктами, имѣющими производственное назначеніе, происходитъ увеличеніе этой успѣшности.

Положеніе политико-экономовъ, что помощью кредита капиталы переходятъ изъ рукъ менѣе производительныхъ въ болѣе производительныя руки, не будучи обоснованнымъ, страдаетъ нѣкоторою неясностью: невидна именно связь, соединяющая это положеніе съ опредѣленіемъ кредита, какъ такого вида обмѣна, въ которомъ отдача продукта и полученіе эквивалента происходятъ въ различные моменты времени. Означенное положеніе имѣетъ поэтому цѣну только отъ того, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но почему помощью кредита распредѣляются *капиталы?* Потому что это такъ, отвѣчаютъ политико-экономы: кто наблюдалъ дѣйствительность, тотъ знаетъ, что въ этомъ главная функція кредита. Но все-таки, почему это такъ въ дѣйствительности? на этотъ-то вопросъ мы и попробовали выше дать отвѣтъ.

Мы видѣли, что объектомъ кредитнаго обмѣна можетъ быть только продуктъ, имѣющій производственное назначеніе. Только передача такого продукта свидѣтельствуетъ о существованіи кооперативной дѣятельности, т. е. болѣе успѣшнаго производства. Такимъ образомъ въ объектѣ кредитнаго обмѣна мы имѣемъ критерій (конечно не единственный) для сужденія о нормальности или патологичности отдѣльныхъ случаевъ кредитнаго обмѣна. Это тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что мнѣнія въ родѣ сеевскаго (что конечно кредитъ очень хорошая вещь, но все-таки пользоваться этимъ хорошимъ поменьше — тоже не дурно) не рѣдко и теперь попадаются: такъ напр. у насъ кредитъ былъ уподобленъ носовому платку, который самъ по себѣ — очень хорошая вещь, но употребленію котораго не слѣдуетъ желать увеличиваться, такъ-какъ это было бы все равно, что напрашиваться на насморкъ:

ясно, что подобныя разсужденія о кредитѣ, какъ о средствѣ, выводящемъ будто бы изъ затруднительнаго положенія, какъ о лѣкарственномъ средствѣ (а сколько такихъ разсужденій въ ученіи о государственномъ кредитѣ!) обусловливаются именно отсутствіемъ критерія.

Но въ дѣйствительности встрѣчаются обмѣны продуктами, имѣющими производственное назначеніе, которые однако некредитны. Не всегда эти продукты передаются помощью кредитнаго обмѣна. Опровергаетъ ли однако это установленное выше? Опровергаетъ ли это то, что коль-скоро части производственнаго процесса невыполнимы одновременно, то переходъ неготоваго продукта отъ совершившаго начало производства къ тому, который его окончитъ, не можетъ быть съ наличною уплатой? Вѣдь когда мы говоримъ, что не можетъ быть тутъ наличной уплаты, то это потому, что уплата есть еще только въ будущемъ существующее. Это будущее существованіе эквивалента обусловливается тѣмъ, что не всѣ части производственнаго процесса заканчиваются одновременно. А если и совершилась передача продукта, имѣющаго производственное назначеніе, съ наличной уплатой за него эквивалента, — то это очевидно могло совершиться только потому, что получившій неготовый продуктъ самъ былъ занятъ какою-нибудь дѣятельностью въ то время, когда неготовый продуктъ производился, или же если онъ самъ и не былъ занятъ дѣятельностью въ это время, то у него существовалъ продуктъ, которымъ онъ могъ уплатить за полученное, не дожидаясь, пока онъ окончитъ вторую часть того производственнаго процесса. Чтобъ объяснить кредитный обмѣнъ, мы взяли гипотезу, въ которой были видны причины, его порождающія, и заключили, что соединенный трудъ многихъ лицъ, затраченный на такое производство, части котораго невыполнимы одновременно, порождаетъ кредитный обмѣнъ. Мы имѣли въ виду людей, занятыхъ въ такомъ, и только такомъ производствѣ: только такіе люди долж-

вы совершить кредитный обмѣнъ. Можно ли это опровергнуть, сказавъ, что такіе люди *могутъ* не совершить кредитнаго обмѣна, если кромѣ того, что они заняты въ отличающемся извѣстными особенностями производствѣ, они еще заняты въ другомъ производствѣ, тоже дающемъ имъ средства идти къ обмѣну, или же просто обладаютъ продуктами, непаходящимися ни въ какой связи съ сочетаніемъ текущаго труда съ будущимъ? Очевидно, что въ разсужденіе, въ которомъ идетъ рѣчь о томъ, что такія-то и такія-то причины обусловливаютъ такія-то послѣдствія, здѣсь внутываются новыя причины, и за-тѣмъ удивляются, что послѣдствія не тѣ-же, что прежде.

Теперь мы обратимся къ другой сторонѣ того, что до сихъ поръ разсматривали. Въ положеніи политико-экономовъ идетъ рѣчь о капиталахъ: чрезъ кредитъ *капиталъ* переходитъ изъ менѣе производительныхъ рукъ въ болѣе производительныя. Вмѣсто «капитала» мы до сихъ поръ говорили о продуктахъ, имѣющихъ производственное назначеніе. Съ точки зрѣнія на капиталъ, общепринятой въ литературѣ, собственно нѣтъ никакой разницы между капиталомъ и продуктомъ производственнаго назначенія. Но мы уже въ нашемъ изслѣдованіи «о колебаніи цѣнъ» высказали соображенія, на основаніи которыхъ намъ кажется недозволительнымъ отожествленіе продукта съ капиталомъ. Если подъ капиталомъ желаютъ разумѣть производственную силу, то вещь не можетъ быть капиталомъ: потому что производственная сила должна быть непремѣнно сознательна. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако совершенно основательно и то, что не всякая производственная сила есть капиталъ: сама по себѣ производственная сила едина, она всегда есть человѣческая сила; но, облекаясь въ различныя коопераціонныя формы, она специфицируется, раздѣляется на виды. Видовые признаки однако суть признаки *формы* производственной силы, а не самой производственной силы. Поэтому и о специфическомъ въ капиталѣ можно говорить толь-

ко, какъ о специфическомъ формы, въ которую дѣятельность облекается, становясь капиталомъ. Сообразно съ этимъ мы опредѣлили капиталъ, какъ сочетаніе текущаго труда съ прошлыми, опираясь на опредѣленія политико-экономовъ, въ которыя существенными частями входили понятія о прошломъ и текущемъ трудѣ и понятіе о соединеніи этихъ трудовъ [1]. — Обратимся теперь къ кредитному обмѣну и посмотримъ, находится ли онъ въ какой-нибудь связи съ такъ понятымъ капиталомъ.

Передъ нами производственный процессъ, раздѣляющійся на части, совершаемыя не одновременно, а разновременно и притомъ различными людьми. До сихъ мы поръ наблюдали этотъ процессъ въ началѣ и видѣли, что во время выполненія первой части совершалось сочетаніе текущаго труда съ будущимъ. Въ результатѣ этого сочетанія явился продуктъ, который или самъ требуетъ дальнѣйшей обработки, или необходимъ для производства другаго продукта. Вслѣдствіе того, что вторую часть процесса совершаетъ другое лице, необходимъ переходъ перваго продукта отъ начавшаго производство къ тому, который окончитъ это производство. Этотъ переходъ — кредитный. Станемъ теперь наблюдать работу втораго лица. Оно заканчиваетъ производство: совершаетъ такую его часть, которая не имѣетъ значенія безъ существованія другой, предшествующей ей части; эта другая часть даже обусловливаетъ ея существованіе. Если второе лице затрачиваетъ въ наблюдаемый моментъ трудъ, такъ это потому, что въ предшествующій моментъ тоже былъ затраченъ трудъ. Если затрачиваемый вторымъ лицемъ трудъ достигнетъ цѣли, тогда объ этомъ достиженіи нельзя будетъ сказать, что оно совершилось только благодаря труду втораго лица. Не одинъ только трудъ втораго лица, но еще и трудъ перваго лица способствовалъ къ достиженію цѣли. Слѣдовательно, о вто-

[1] Прилож. къ прот. зас. сов. харьк. унив. 1867. № 4, стр. 373.

ромъ лицѣ мы можемъ сказать, что оно достигло цѣли потому, что соединило свой трудъ съ предшествовавшимъ, прошлымъ трудомъ, т. е. отъ того, что оно работало *капиталомъ*. Такъ точно первое лице могло сказать, что оно достигнетъ цѣли отъ того, что соединяетъ свой трудъ съ тѣмъ, который за нимъ послѣдуетъ, съ будущимъ, то-есть потому что работаетъ *кредитомъ*.

Мы видимъ отсюда, что производственный кредитъ и производственный капиталъ тѣсно другъ съ другомъ связаны и взаимно предполагаютъ существованіе другъ друга. Производственный кредитъ предполагаетъ существованіе производственнаго капитала, и на-оборотъ, точно такъ, какъ начало предполагаетъ конецъ, а конецъ — начало.

Но производственный кредитъ, наблюдаемый при соединенной дѣятельности многихъ лицъ, обусловливаетъ существованіе кредитнаго обмѣна. *Кредитность* обмѣна есть послѣдствіе производственнаго кредита, а такъ-какъ послѣдній немыслимъ безъ производственнаго капитала, то значитъ — кредитный обмѣнъ необходимо влечетъ за собой существованіе производственнаго капитала.

Коль-скоро за кредитнымъ обмѣномъ не слѣдуетъ сочетаніе текущаго труда съ прошлымъ, то полученный помощью кредитнаго обмѣна продуктъ производственнаго назначенія на дѣлѣ не получаетъ этого назначенія,— т. е. нѣтъ капитала ни въ нашемъ смыслѣ, ни въ томъ, который политико-экономы придаютъ этому слову. Работа капиталомъ есть необходимое послѣдствіе кредитнаго обмѣна. При нашемъ пониманіи капитала, затрата текущаго труда для соединенія его съ прошлымъ является такою естественной необходимостью, какъ конецъ естественно необходимо долженъ слѣдовать за началомъ.

Что касается до перехода капитала *изъ рукъ менѣе производительныхъ въ болѣе производительныя руки*, то это послѣднее означаетъ, какъ должно быть ясно изъ предъидущаго

изложенія, переходъ продукта первой половины производственнаго процесса изъ рукъ неспеціалиста въ руки спеціалиста. Спеціальное дѣло лица, занимавшагося первою половиною процесса, было—приготовить продуктъ производственнаго назначенія; спеціальное дѣло другаго лица, занятаго другою половиной процесса — работать съ помощью этого продукта. Когда первое лице приготовило продуктъ, его спеціальное дѣло кончилось; если оно будетъ далѣе работать съ помощью произведеннаго имъ продукта, — т. е. если оно само соединитъ свой прошлый трудъ съ *своимъ* текущимъ, — то оно займется уже не своимъ спеціальнымъ дѣломъ. Напротивъ, если этимъ послѣднимъ займется второе лице, тогда дѣломъ займется именно то лице, котораго спеціальность въ томъ именно и заключается, чтобъ соединять текущій трудъ съ прошлымъ. Что спеціалистъ въ извѣстномъ дѣлѣ выполняетъ его лучше, нежели неспеціалистъ — нечего разъяснять; намъ нужно было только указать, что въ данномъ случаѣ переходъ совершается изъ рукъ неспеціалиста въ руки спеціалиста, — чтобъ было вполнѣ ясно, почему говорится о переходѣ изъ рукъ непроизводительныхъ въ руки производительныя. Существованіе двухъ спеціалистовъ есть послѣдствіе соединенія дѣятельности двухъ лицъ для одной общей цѣли.

Послѣ всего изложеннаго становится очевидною еще одна особенность кредитнаго обмѣна: кредитный обмѣнъ совершается *среди* процесса приготовленія вещи къ тому, чтобъ она стала годной для потребленія. Если въ литературѣ на эту особенность и не обращали вниманія, то все-таки по изложенію хода означеннаго процесса можно было бы заключить, что онъ *начинается* съ этой сдѣлки, а не *продолжается*, какъ оно есть въ сущности. Причину этого слѣдуетъ искать въ томъ, что политико-экономы совершенно упустили изъ виду цѣлую часть производственнаго процесса, представляющуюся въ соединеніи текущаго труда съ будущимъ; *производственный кредитъ* былъ упущенъ

изъ виду. Такимъ образомъ политико-экономы, наблюдая и описывая производственный процессъ, исходнымъ пунктомъ брали не настоящее его начало, а средину: производственный процессъ начинался съ кредитнаго обмѣна, за которымъ слѣдовала работа помощью капитала. Такой взглядъ на производственный процессъ можно объяснить вліяніями времени и мѣста: въ западной Европѣ въ то время, когда политико-экономы описывали производственный процессъ, ходомъ хозяйственной исторіи былъ выдвинутъ на первый планъ, тотъ средній моментъ — въ процессѣ приготовленія вещи къ тому, чтобъ быть годной для потребленія, — который политико-экономы приняли за начало процесса. Этотъ средній моментъ или эта стадія процесса получила преобладающее значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ — лица, играющія въ этой стадіи главную роль. По этому классъ предпринимателей явился начинающимъ производственный процессъ, или вѣрнѣе: и производство и обмѣнъ стали пониматься съ той точки зрѣнія, съ которой они представлялись преобладающему хозяйственному классу.

Мѣновой кредитъ показываетъ, что въ производственномъ процессѣ начинаютъ принимать участіе новыя лица, прежде въ немъ неучаствовавшія. Слѣдовательно, онъ означаетъ расширеніе коопераціонной сферы, обхватывающей послѣ него большее число людей, которые другъ другу будутъ помогать. Онъ означаетъ, что большая сумма дѣятельности, или дѣятельность большаго числа лицъ, оплодотворяется кооперацією; т. е. возрастаніе успѣшности силы распространяется на большее число людей. Ту работу, которую *A* долженъ былъ кончить послѣ, вмѣсто него кончаетъ *B*. Трудъ текущій *A* соединяется не съ его собственнымъ будущимъ, а съ будущимъ трудомъ другаго человѣка. Очевидно, что чрезъ это увеличивается возможность совершенія и производственныхъ кредитныхъ актовъ. При маломъ развитіи кредитнаго обмѣна сочетаніе текущаго труда съ буду-

щимъ возможно только въ той мѣрѣ, въ какой отдѣльный человѣкъ можетъ надѣяться, что у него будетъ возможность окончить начатое. При развитіи же кредитнаго обмѣна онъ можетъ постоянно начинать работу, хотя бы онъ и не надѣялся самъ ее окончить, достаточно если у него есть увѣренность, что найдется человѣкъ, который ее окончитъ. Это даетъ намъ возможность возстановить, яснѣе выразивъ, одно положеніе Маклеода, которое онъ скорѣе чувствовалъ, нежели продумалъ, и которое онъ поэтому выразилъ въ такой неловкой формѣ, что оно всѣми было отвергнуто. Мы имѣемъ здѣсь въ виду его положеніе, что кредитъ не есть простой трансфертъ, не производящій никакихъ перемѣнъ въ *количествѣ* существующихъ богатствъ, а что онъ именно это количество увеличиваетъ. Дѣйствительно мѣновой кредитъ, освобождая начинающаго производственный процессъ отъ необходимости его окончить, чрезъ то даетъ ему возможность постоянно начинать съизнова производственный процессъ: такъ-какъ развитіе мѣноваго кредита обезпечиваетъ заканчиваніе начатаго, устраивая наилучшее для производственныхъ цѣлей (заканчиванія) распредѣленіе.

И такъ, кредитный обмѣнъ есть средство, помощью котораго совершается перемѣна въ персоналѣ производства; перемѣна происходитъ отъ того, что кончаютъ производственный процессъ не тѣ, которые его начали. Чтобъ эта перемѣна могла совершиться, необходимъ переходъ результата первой части производства отъ начавшаго процессъ къ оканчивающему его. Свойствомъ переходящаго продукта, обусловливающимся цѣлью, съ которою онъ приготовлялся, обусловливается и особенность той сдѣлки, помощью которой переходъ совершится.

Въ самомъ дѣлѣ распредѣленіе продукта, въ данномъ случаѣ совершающееся помощью кредитнаго обмѣна, отличается отъ обыкновеннаго распредѣленія. Такъ что ради него приходится

различать двоякаго рода распредѣленіе продуктовъ, смотря по цѣли, которую имѣетъ это распредѣленіе.

Распредѣленіе продукта можетъ имѣть цѣлью — потребленіе его. Въ подобномъ случаѣ имѣются въ виду только такого рода продукты, на которые больше не будетъ затрачено никакого труда. Цѣнность въ нихъ признается ради непосредственной пользы, ими приносимой; ради того, что ихъ потребленіе возобновляетъ сумму производственной силы, равную затраченной на ихъ полученіе. Такимъ образомъ полученіе кѣмъ-либо такого рода продукта не только не влечетъ за собой никакихъ *затратъ* производственной силы; оно влечетъ за собой прямо противуположное: *полученіе* ея.

Но распредѣленіе можетъ имѣть цѣлью не потребленіе, а производство: дальнѣйшее приготовленіе продукта къ тому, чтобъ онъ сталъ годнымъ для потребленія, или же работу помощью этого продукта для приготовленія другого, годнаго къ потребленію, — во всякомъ случаѣ дальнѣйшая затрата труда есть переходная ступень отъ распредѣленія къ потребленію.

Вотъ это-то распредѣленіе для производственныхъ, а не потребительныхъ, цѣлей совершается съ помощью кредитнаго обмѣна. Оно обусловливается необходимостью взаимной людской помоги, влекущей за собой то, что сочетаются не только труды различныхъ людей одного и того-же времени, но еще и труды различныхъ людей различныхъ временъ. Такая форма кооперації обусловливается техническими особенностями, которыми отличается производство извѣстнаго рода продуктовъ. Если процессъ приготовленія разбивается на такія части, которыя одновременно не могутъ быть выполнены, то онѣ будутъ совершаться разновременно. Въ ряду продуктовъ, которые потребляетъ современный цивилизованный человѣкъ, нѣтъ ни одного, приготовленіе котораго могло бы разбиться на части, удобосовершимыя одновременно. Смотря по количеству и качеству знаній, которыя

необходимо имѣть для выполненія частей производственнаго процесса, возможно или невозможно, чтобъ одинъ и тотъ-же человѣкъ могъ совершать различныя части, совершающіяся разновременно. Этимъ экстенсивное развитіе производственнаго процесса во времени отличается отъ экстенсивнаго его развитія въ пространствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ много лицъ принимаютъ участіе въ производственномъ процессѣ, потому что всѣ части его совершаются одновременно; хотя-бы отдѣльное лице и обладало свѣдѣніями, которыя дѣлаютъ его способнымъ выполнять двѣ части, все-же таки *одновременно* оно этого дѣлать не можетъ, а только разновременно. Въ послѣднемъ случаѣ, напротивъ, много лицъ принимаютъ участіе въ производственномъ процессѣ, потому что отдѣльное лице *даже и въ различныя времена* не можетъ выполнять различныхъ работъ. Напр. когда земледѣліе находится на низкой степени развитія, земледѣлецъ самъ выполняетъ всѣ части земледѣльческаго производственнаго процесса: самъ изготовляетъ орудіе, самъ добываетъ удобрительныя средства, самъ выполняетъ и дальнѣйшія работы, которыя, какъ прежнія, иначе не могутъ быть выполнены, какъ въ различныя времена. Напротивъ, когда земледѣліе находится на высшей степени развитія, является необходимая спеціализація въ отдѣльныхъ частяхъ: земледѣльческія машины изготовляются спеціализировавшимся промысломъ, удобрительныя средства добываются также особымъ промысломъ и т. д., — и это именно потому, что въ это прогрессивное время нѣтъ уже возможности отдѣльному человѣку совершать всѣ части и въ различныя времена: русскій земледѣлецъ можетъ себѣ самъ соорудить свою соху и работать съ нею; англійскій земледѣлецъ не можетъ себѣ самъ приготовить всѣ тѣ машины, которыя ему нужны, онъ только можетъ работать съ ними.

Вслѣдствіе *этой* спеціализаціи, — то есть: вслѣдствіе того, что одни изъ участвующихъ въ производственномъ процессѣ ста-

новятся способными выполнять только такія части, которыя должны быть совершаемы въ извѣстный моментъ процесса, такъ-какъ трудъ однихъ успѣшенъ, когда они выполняютъ часть, составляющую начало, а трудъ другихъ — когда они выполняютъ операціи, заканчивающія производственный процессъ, является необходимость перехода результата начала производства къ оканчивающимъ это производство, является необходимость кредитнаго обмѣна.

Этотъ обмѣнъ имѣетъ всѣ тѣ общіе признаки, которыми отличается всякій обмѣнъ. Во-первыхъ, его обусловливаетъ *специализація* многихъ лицъ; во-вторыхъ, онъ одинаково необходимъ для обѣихъ совершающихъ его сторонъ: съ одной стороны *начавшій* производственный процессъ долженъ отдать результатъ своей работы, потому что онъ самъ не въ состояніи окончить процесса, съ другой стороны *заканчивающій* этотъ процессъ необходимо долженъ получить результатъ первой части процесса, ибо иначе онъ не въ состояніи выполнить свое дѣло: закончить процессъ. Обѣ стороны, значитъ, другъ въ другѣ нуждаются. Коль-скоро обмѣнъ не совершится, ни одна изъ сторонъ не достигнетъ той цѣли, къ которой стремилась, работая.

Но если этотъ обмѣнъ имѣетъ черты, общія у него со всякимъ обмѣномъ, то онъ имѣетъ сверхъ того и свои, исключительно ему свойственныя, отличительныя черты. Эти черты заключаются въ томъ, что только одна изъ обмѣнивающихся сторонъ является къ обмѣну съ продуктомъ; другая не имѣетъ его и не можетъ его имѣть: ея работа начинается только *послѣ* совершенія обмѣна. Обмѣнъ *долженъ* совершаться: того требуютъ интересы обѣихъ сторонъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ *должно* совершиться еще что-то: одна обмѣнивающаяся сторона должна отказаться отъ непосредственнаго полученія эквивалента, потому что этого эквивалента въ моментъ отдачи продукта еще нѣтъ. По той причинѣ, что эквивалентъ есть результатъ производства, слѣдующаго за-тѣмъ, отъ котораго былъ полученъ передаваe-

мый продуктъ, обмѣнъ растягивается во времени: одна сторона даетъ въ одно время продуктъ, а другая сторона даетъ въ другое время эквивалентъ. Этотъ-то особый обмѣнъ и есть кредитный.

Мы дошли до того пункта, съ котораго начинается въ литературѣ ученіе о кредитѣ, это значитъ, что мы достигли цѣли этой работы, которая именно въ томъ и заключалась, чтобъ *дойти* до этого пункта, или иначе: изслѣдовать тотъ путь, который ведетъ къ этому пункту. Здѣсь, значитъ, по настоящему конецъ нашей работы. Но мы въ статьѣ о деньгахъ затронули маклеодовское мнѣніе о кредитности денежнаго обмѣна и выразились тамъ, что отсутствіе обязательствъ при денежномъ обмѣнѣ всего очевиднѣе выступаетъ при сравненіи его съ настоящимъ кредитнымъ обмѣномъ. Этимъ-то сравненіемъ, или вѣрнѣе устраненіемъ недоразумѣнія, возникающаго при болѣе тщательномъ анализѣ денежнаго обмѣна, мы заключимъ эту работу.

Сжато формулируя причину этого недоразумѣнія, можно сказать, что оно происходитъ отъ смѣшиванія кредитнаго обмѣна съ мѣновымъ кредитомъ; это означаетъ вотъ-что:

Въ литературѣ по сю пору подъ *кредитомъ* разумѣютъ *кредитный обмѣнъ*. Въ сущности однако это совершенно различныя вещи. *Кредитъ*, просто, есть кооперативная форма, представляющаяся при сочетаніи дѣятельности текущей съ будущею. Въ эту форму можетъ облекаться для увеличенія успѣшности— всякаго рода дѣятельность, слѣдовательно и тѣ два вида дѣятельности человѣка, на которыя хозяйственная наука до сихъ поръ обращала исключительное вниманіе: то-есть производственная дѣятельность и мѣновая. Мы показали истину этого, анализируя сущность употребленія орудій, производственнаго и мѣноваго; въ результатѣ анализа мы получили тожественность въ существѣ того и другаго употребленія. Употребленіе орудія немыслимо безъ слѣдующихъ двухъ операцій: процесса изготовленія или добыванія орудія, при которомъ совершается сочетаніе

текущаго акта (акта, наблюдаемаго въ моментъ его совершенія) съ будущимъ, — и процесса утилизированія этого орудія, при которомъ совершается сочетаніе текущаго акта съ прошлымъ. Первый процессъ есть *кредитъ*, второй — *капиталъ*. Если въ кредитъ облекается производственная дѣятельность, т. е. если текущій производственный актъ сочетается съ будущимъ, то передъ нами *производственный* кредитъ. Если же въ кредитную форму кооперації облекается мѣновая дѣятельность, т. е. если кто соединяетъ текущій мѣновой актъ съ будущимъ мѣновымъ актомъ для одной общей цѣли, то передъ нами *мѣновой* кредитъ.

Совершенно различное отъ этого послѣдняго представляетъ разсмотрѣнный на предъидущихъ страницахъ *кредитный обмѣнъ*. Мы видѣли, что кредитный обмѣнъ есть послѣдствіе только одного теперь уже извѣстнаго рода производственныхъ антецедентовъ. Мѣновой же кредитъ не обусловливается никакими производственными отношеніями. Онъ есть послѣдствіе того, что *мѣновая дѣятельность* ведется извѣстнымъ образомъ,— тогда какъ кредитный обмѣнъ есть послѣдствіе того, что *производственная дѣятельность* ведется извѣстнымъ образомъ. Правда, что для появленія кредитнаго обмѣна *производственная* дѣятельность должна быть ведена точно такъ, какъ должна быть ведена *мѣновая* дѣятельность, чтобъ появился мѣновой кредитъ; но это доказываетъ только, что мѣновой кредитъ и кредитный обмѣнъ имѣютъ общую черту, а не то, что они тождественны. Хотя они имѣютъ и общее (по весьма понятной причинѣ), они все-таки и различаются одинъ отъ другаго: именно тѣмъ, что порождаются различнаго рода дѣятельностями. Вспомнимъ прежде всего, что въ форму мѣноваго кредита облекается и соединенная дѣятельность *отдѣльнаго* лица, тогда какъ кредитный обмѣнъ необходимо предполагаетъ соединенную дѣятельность *многихъ* лицъ.

Яснѣе все это можно выразить такъ: употребленіе мѣноваго

орудія предполагаетъ два мѣновыхъ акта: *добываніе* орудія совершается посредствомъ одного мѣноваго акта и *утилизированіе* орудія совершается посредствомъ другаго мѣноваго акта. При совершеніи перваго мѣноваго акта мы видимъ, что актъ совершается только въ виду того, что за нимъ послѣдуетъ другой, который, вмѣстѣ съ первымъ даетъ возможность достигнуть цѣли: совершается, значитъ, сочетаніе текущаго мѣноваго акта съ будущимъ мѣновымъ актомъ, т. е. передъ нами мѣновой кредитъ. Но добываніе мѣноваго орудія есть продажа, слѣдовательно всякій случай продажи есть случай мѣноваго кредита, а не кредитнаго обмѣна. Кто продаетъ, тотъ дѣйствительно аккредитируетъ; но онъ аккредитуетъ *себя*,— это послѣднее нужно имѣть въ виду: при продажѣ продающій даетъ кредитъ не кому-либо другому, а себѣ самому. То-есть онъ довѣряетъ *своему* будущему мѣновому акту. Результата перваго мѣноваго акта онъ не передаетъ кому-либо другому, онъ самъ утилизируетъ этотъ результатъ; онъ самъ совершаетъ тотъ другой актъ, который мы называли будущимъ и съ которымъ былъ соединенъ первый. Еслибъ другой человѣкъ совершалъ этотъ второй мѣновой актъ и ему долженъ былъ бы быть переданъ результатъ перваго акта (добытое орудіе), тогда бы добывшій орудіе могъ сказать, что онъ аккредитуетъ утилизирующаго это орудіе. Но коль-скоро одинъ и тотъ-же человѣкъ и добываетъ и утилизируетъ, то очевидно, что кромѣ себя онъ никого не аккредитуетъ.

Вѣрное чутье Маклеода, глубже всѣхъ остальныхъ политико-экономовъ заглянувшаго въ сущность кредита, не скрыло отъ него и кредитность продажи. Но онъ слишкомъ поспѣшно обобщилъ и отожествилъ денежный обмѣнъ съ кредитнымъ обмѣномъ.

Важнѣе всего въ данномъ случаѣ то, что какъ вообще обмѣнъ можетъ быть наличнымъ и кредитнымъ, такъ и денежный обмѣнъ можетъ быть кредитнымъ и наличнымъ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, сравнимъ такъ-называемую наличную продажу съ прода-

жею въ кредитъ. При продажѣ наличной продающій получаетъ мѣновое орудіе: онъ сочетаетъ текущій мѣновой актъ съ будущимъ. При продажѣ въ кредитъ онъ не получаетъ мѣноваго орудія *тотъ-часъ-же*, какъ это было въ первомъ случаѣ; при продажѣ въ кредитъ *самое полученіе мѣноваго орудія отсрочивается на извѣстный срокъ*. Это значитъ, что актъ добыванія мѣноваго орудія самъ-по-себѣ разбивается на части, которыя совершаются разновременно: вмѣсто одного мѣноваго акта продажи, въ результатѣ котораго является орудіе, мы имѣемъ предъ собой новые два мѣновые акта, на которые разбился актъ продажи: однимъ изъ этихъ новыхъ актовъ получается *кредитный*, такъ-называемый, *знакъ*, другимъ этотъ кредитный знакъ утилизируется, то-есть помощью его добывается мѣновое орудіе. За-тѣмъ только становится возможнымъ для продавшаго актъ покупки.

Слѣдовательно, различіе между кредитнымъ обмѣномъ и денежнымъ заключается въ томъ, что если денежный обмѣнъ немыслимъ безъ отсрочки немедленнаго полученія эквивалентной вещи, то кредитный обмѣнъ, который, какъ и всякій обмѣнъ денежнаго хозяйства, не совершается натурой, — немыслимъ безъ двухъ отсрочекъ: одной отсрочки, соотвѣтствующей наблюдаемой при всякомъ денежномъ обмѣнѣ (т. е. отсрочки эквивалентной вещи), и кромѣ того еще другой отсрочки — немедленнаго полученія и отдачи самаго мѣноваго орудія. Въ первомъ случаѣ отсрочивается полученіе вещнаго эквивалента, во второмъ отсрочивается и полученіе вещнаго и полученіе денежнаго эквивалента. Различіе между двумя видами обмѣна выступаетъ еще рѣзче, когда мы начинаемъ брать во вниманіе и различія самыхъ этихъ двухъ отсрочекъ: отсрочка полученія вещнаго эквивалента, обусловливающаяся употребленіемъ мѣноваго орудія и выражающаяся въ полученіи денежнаго эквивалента, дѣлается каждымъ человѣкомъ, совершающимъ свои обмѣны по-

мощью орудія, самому себѣ, *а не кому-либо другому*; тогда какъ, напротивъ, та отсрочка, безъ которой немыслимъ кредитный обмѣнъ, дѣлается именно *другому* лицу. Какъ при натуральномъ обмѣнѣ, такъ и при денежномъ наличномъ, отдающій вещь получаетъ полный эквивалентъ (*Ravit*, Beiträge zur Theorie des Geldes. 1862); правда, что эквивалентъ квалифицируется различно въ этихъ двухъ случаяхъ, но онъ все-таки существуетъ. Напротивъ, при кредитномъ обмѣнѣ никакого эквивалента нѣтъ: какъ бы мы ни квалифицировали его, натуральнымъ или денежнымъ, во всякомъ случаѣ отсрочивается полученіе и того и другаго.

Что въ денежномъ обмѣнѣ есть кредитная сторона, — это несомнѣнно. Но до тѣхъ поръ, пока въ наукѣ не было различія между кредитомъ и кредитнымъ обмѣномъ, — до тѣхъ поръ пока было извѣстно только *одно* проявленіе кредита, нельзя было говорить о кредитности денежнаго обмѣна: это повело бы къ отожествленію всѣхъ тѣхъ явленій, въ которыхъ есть кредитная сторона.

Такъ это и случилось съ Маклеодомъ: глубже другихъ заглянувши въ кредитъ и замѣтивъ въ немъ то, чего другіе до него не замѣчали, Маклеодъ слишкомъ поспѣшно перенесъ замѣченныя имъ особенности на тѣ проявленія кредита, которыя до него были извѣстны, вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать тѣ настоящія кредитныя проявленія, къ которымъ принадлежатъ замѣченныя имъ особенности.

Сказаннымъ, конечно, далеко еще не исчерпывается все то, что приходится затрогивать, обсуждая кредитъ въ денежномъ обмѣнѣ; мы имѣли въ виду указать, что если по поводу денежнаго обмѣна приходится говорить о кредитѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что денежный обмѣнъ есть кредитный обмѣнъ, что это — далеко не тождественныя вещи.